

8. Феофан Затворник, свт. Главнейшие ступени умного восхождения к Богу //Созерцание и размышление. М., 2003. – С. 359-367
9. Феофан Затворник, свт. Путь ко спасению. Краткий очерк аскетики. Начертание христианского нравоучения. М., 2006. – 608 с.
10. Собрание писем Оптинского старца Амвросия. М., 2009. – 768 с.
11. Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению. - М.,1996. – 694 с.

Роман Анатольевич Лопин

к.филос. н., доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета имени митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) НИУ «БелГУ»
(Россия, г. Белгород)

1030 ЛЕТ КРЕЩЕНИЮ РУСИ (ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ, ДУХОВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ)

*«Мы сделались причастниками Христу,
если только начатую жизнь твердо
сохраним до конца (Евр. 3, 14).*

Сухой исторический прагматизм, присущий исследованиям в области истории, констатируя фактический материал, довольно часто оставляет в тени действительную причинность происхождения и развития исторических событий. Можно согласиться, что история не может быть без хронологии, но в ней одной, как в изложении последовательности исторических событий, не раскрывается полнота самой истории, которая становится видна лишь в изучении духовно-культурного развития и сознания человечества. В отрыве от подобной полноты, как объективной целостности, очевидны лишь политические выгоды лидеров и героев истории, их личные «претензии» на управление историческим ходом событий. В этом есть доля правды, но нет очевидной объективности, тем более, когда речь идет об истории народа. Оправдать такое стремление в исторической науке можно только в претензии на «точность» изложения самого материала, хотя само изложение истории скорее носит гипотетический характер. По-видимому, дефицит «понятийности» в хронологическом изложении среди интересующихся историей может решиться путем обращения к культурологической науке, в которой главным является раскрытие мировоззренческой основы жизни представителей той культуры, народа, которые рассматриваются в определенный исторический период своего существования. Рассказ о них с позиции современного мировоззрения, приобретшего значительные изменения, требует погружения не только в фактический материал истории, но и в тот духовный мир, который был присущ изучаемому периоду.

Порой удивляют попытки современных исследователей дать характеристику культурно-социального развития славянского мира через по-прежнему инертно-популярную марксистскую формационно-историческую теорию, по большому счету никакого отношения не имеющую ни к славянскому миру, ни к его истории. Или объяснение символики славянства в свете знаний современной оккультно-восточной школы, которая в своем применении не раскрывает мировоззрение наших предков, а утрирует его (примером может служить в первом случае рассмотрение исторического пути русского народа как борьбы классов или во втором случае – толкование современными исследователями использования креста, круга, «свастики» и м.д. в декорировании предметов славянами с позиции «ведических» знаний).

Русская история, как и история любого народа, может пониматься лишь в собственной традиции, и в этом у нее есть большое преимущество, так как наше мировоззрение, наша ментальность трансформируются только в последние столетия, что в историческом измерении довольно малый срок. Да и тот факт, что они в большей степени не видоизменились, как показывает современность, говорит нам о достаточно сильном

начале традиционного сознания, не подверженного разрушительному «реформаторству». Несмотря на катаклизмы социальных преобразований XX-го столетия и, казалось бы, полную утрату своего естества, наш народ и сегодня ориентируется на те начала своего сознания, которые заложены в духовном его рождении и хранимы культурой его веры – традиционным религиозным мировоззрением. Ему по-прежнему принадлежит мощное сознание, как способность видеть себя, проникать в сущность вещей, предвидеть будущее и восстанавливать прошлое, где кроме чувства, воли, эмоций, есть память и мышление, его образующие.

Сознание – продукт культуры, дающейся через воспитание и образование, через то мировоззрение, которое присуще культуре, стержнем которой является религиозное начало, как важная составляющая самой культуры, религиозные переживания, как необходимая составная часть человеческого сознания.

Так период формирования русской культуры, как культуры, отражающей в себе Православие, не может заключаться в строгие временные рамки и в княжеские амбиции, так как культура есть жизнь духовная, а значит, она имеет право на самостоятельный рост, развитие. Равно как и человек в духовном своем развитии постепенно на пути к своему преображению, как истинному своему предназначению, переживает множество побед и поражений, стремлений и разочарований, так и жизнь народа в культурном возрастании не имеет прямолинейности. Но в ней, как и в жизни человеческой, есть такие моменты, которые можно назвать жизненно необходимыми, или сказать точнее, они и дают жизнь не только в данности, но и в вечности, чем они ценны. В этом духовное рождение народа, равно как и человека. Самое главное, что может дать ему жизнь. Для русского человека – это Крещение. Оно стало символом дальнейшего развития нашего народа, нашей культуры [7], в то же время оно имеет и большую предысторию, дающую возможность понять планомерность движения русского народа к обретению Истины, его добровольного обращения к Ней, а так же путь перерождения культуры от языческого к христианскому началу в ней [8].

Предыстория Крещения восходит к первым векам христианской эры, о которой повествует предание о проповеди учения Христа апостолами. Оно говорит, что со святого апостола Андрея Первозванного начинается распространение христианства среди славян. Память о проповеди апостола Андрея по сегодняшний день имеет отражение в российской государственной геральдике [2, с. 69].

Предание об апостольской проповеди говорит, что славянский мир пусть не в полной мере, но все же был знаком с учением Христа с самых ранних пор (по-видимому «мягкий нрав» полян связан именно с этим). Более того, сегодня можно сказать, что среди славян, как и в других культурах древнего мира, с апостольских времен могли существовать, а скорее существовали (что показывает археология), христианские общины [9], постепенно оказывающие влияние на окружающих язычников.

Географическое расселение славян в восточной Европе, впоследствии вошедших в состав Византии, стало источником тесного общения с древних времен племен будущей Руси с «греческой» [1, с. 13] Римской империей. Уже с самого своего начала Русь проявляла повышенный интерес к культуре сначала греков, а затем Византии (даже военные походы были проявлением этого интереса) [3]. Византийская культура в тот период являлась самой величественной и притягательной для многих народов. Можно сказать, что в своем виде она действительно превосходила окружающий мир – была культурным его центром. Культура Византии (у К. Леонтьева – «византизм») «... прежде всего особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятнейшие начала и свои определенные в истории последствия» [6, с. 127] принесла в мир понимание христианского развития цивилизации. Оно в целом меняет представление мироустройства и состоит «... из нескольких частных идей: религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных... например... в государстве... – самодержавие [имеющее отличительные особенности от

других монархий – Л.Р.]. В религии... христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире... византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов... есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства» [6, с. 127-128]. Византизм формирует, если так можно сказать, «христианское однолинейное» понимание развития истории.

Для русской культуры впоследствии такое понимание развития цивилизации стало определяющим как единомыслие, единоверие с творцами христианской культуры [10, с. 345] – «Основы нашего как государственного, так и домашнего быта... тесно связаны с византизмом» [6, с. 130]. Но на тот период для наших предков она была просто «величественным» образцом мироустройства, образцом того мира, который был для них еще не знаком, но был довольно притягателен. Особый византийский порядок мироустройства предопределяло православие. Оно весьма существенно отличалось от католицизма уже в IV-V вв. Православная церковь не обладала политической и экономической самостоятельностью. Патриархи Православной церкви не оспаривали прав на верховную власть в империи, не претендовали на суд над императорами. Православные иерархи придерживались принципа симфонии, то есть согласия между патриархатом и империей. Оно было более терпимо к другим монотеистическим религиям, не подвергая их представителей гонениям и уничтожению. В православии допустима автокефалия – самостоятельность национальных церквей. Наряду с патриархом Константинопольским были патриархи Иерусалимский, Александрийский и Антиохийский (впоследствии образовались и другие автокефальные церкви на Кавказе, Балканах, Руси). В православии допускался перевод священных книг на национальные языки, разрешалось богослужение на местных языках. Несмотря на автокефальность, пространство православия сохраняло культурное единство, объединяя в себе многие народы на основе единства духовного. Духовенство не отделялось от мирян непроходимой гранью. Священники и миряне получали одинаковое причастие.

Православная церковь характеризовалась большей степенью свободы и народообъединяющей соборности. В православии всегда признавалась безусловная верховность соборов. Соборы принимали догматы, канонические нормы; соборы избирали и низлагали патриархов, осуществляли суд над иерархами. Патриарх считался исполнителем соборной воли. Православная церковь не присваивала себе права оценивать верующих, достойны они рая или ада. Все это объясняет проявление интереса к «византизму» как мировоззрению, а как следствие, и к Истине, стоящей во главе его.

История взаимоотношения Византии и Руси до того периода, когда Русь стала весомой частью христианской цивилизации, помнит не только их торговые и дипломатические отношения, военные столкновения, но массовые обращения руссов в веру «византийскую», из которых можно выделить три наиболее важных момента.

Первым можно назвать крещение князей Аскольда и Дира с дружинниками (ок. 860 г.). «Это было первое, “Аскольдово” крещение Руси» [3, с. 16]. Вторым является просветительская деятельность св. Кирилла и Мефодия среди славян, проходившая в этот период [11], в которой «... в южных русских областях святой Кирилл, просветитель славян, крестил двести семейств, у которых нашел Евангелие и Псалтирь своего же перевода» [3, с. 16]. Третьим и наиболее интересным стал факт обретения веры св. княгиней Ольгой – «... Русь была крещена в 957 году в лице святой равноапостольной княгини Ольги, приехавшей для этого в Константинополь. Крестил ее сам патриарх, благословивший Ольгу по совершении таинства дарственным крестом с надписью: “Земля русская воздвигнута для жизни в Боге крещением блаженной Ольги”» [3, с. 17]. В таком фактическом материале отечественной истории открывается постепенное движение Руси к своему духовному освобождению от рабской зависимости довлеющего хаоса и формированию своего сознания, собственной духовной культуры.

«Аскольдово» крещение показало, что духовное прозрение Руси имеет надсоциальный вид и свойственно в том числе и русским князьям, как «старшинству» в родоплеменном языческом мире. Более того, христианский обряд захоронения коснулся и среды князей, что в целом меняло представление о «загробном мире» среди язычников (преданные и убиенные Аскольд и Дир похоронены по христианскому обряду).

Миссионерская деятельность равноапостольных просветителей призвала «... наш первобытный язык к божественному славословию, они освятили его, они внесли в него начало бессмертной жизни. Но язык есть народ: они возвели новый пришедший в мир народ к исторической жизни; они создали новую в мире силу, которой суждено свое назначение в домостроительстве Промысла... наши давние предки, те славянские роды, которые жили рассеянно на безмерном пространстве нашего нынешнего Отечества, – где бы нашли они то объединяющее и зиждительное начало, которое собрало их в одно великое целое? Где была бы наша Святая Русь, наше Отечество? Те ли события управляли бы миром, та ли бы история слагалась в течение тысячелетия? Мысль останавливается пред величием судеб, бывших последствием столь, казалось бы, малозаметного, столь негромкого начала, как переложение Священного Писания и православного богослужения на славянский язык» [4, с. 460].

Крещение равноапостольной кн. Ольги еще более укрепило связь Руси с восточным христианством, оно на русской земле стало быстро распространяться и укрепляться. Строились храмы, устанавливались кресты, как символы христианской Руси, княгиня в своих вотчинах начала сокрушать идольские капища. «Но тем сильнее противодействовало ему язычество, утвердившееся как господствующая (государственная) религия. В середине X века язычество было еще настолько прочно, что язычники не считали нужным искоренять христианство, а только “насмехались” над теми, кто добровольно и свободно его принимал. Во второй половине столетия распространение веры Христовой делает столкновение с язычеством неизбежным» [5, с. 221], и оно происходит в период правления кн. Святослава. В большей мере оно связано с неудачными военными походами князя-язычника, вину за неудачу которых он возлагал на христиан [3, с. 19-25].

Пика же своего это противостояние достигло при кн. Владимире, и связано оно уже напрямую с жестокостью мировоззрения язычества. Сам пантеон, искусственно созданный из разрозненных племенных культов и политически мотивированный, был уже плодом такой реакции, и он требовал исполнения законов, которые он олицетворял. Главным законом всякого пантеона является принесение жертвы, что и определило дальнейшее его влияние на язычников Киева.

Можно сказать, что утверждение христианского стояния в Истине в лице Феодора перед лицом смерти пошатнуло языческий мир Киева, тем более, что поляне большей частью составляющие его население, не привыкли к такому выполнению обрядности. В истории Киева просматривается «постепенное развитие характера жертвоприношений кумирам, некая стадиальность. Идол Перуна стоял на холме в Киеве еще при князе Игоре (перед ним русские клялись на верность договору с Византией в 945 году). Поставлен этот идол, возможно, был при Олеге: в 907 году, при заключении договора с Византией под стенами Царьграда, Олег и его воины клялись “своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота”. Но тогда ни Перуну, ни Волосу не приносили в жертву людей» [5, с. 76]. Оно пробудило в сознании духовное естество, присущее человеку, принесло разочарование поклонению «бездушным истуканам», ввело осознание трагизма языческого бытия не только в души простого люда, но и душу кн. Владимира. С этого периода он находится в поиске выхода из духовного кризиса.

В истории играют значительную роль великие личности, которые оказывают на нее значительное влияние. Такая личность, стоящая во главе государства, конечно, не может повернуть историю вспять, но очень сильно затормозить или ускорить ее она может. И если Святослав замедлил ход исторического обращения к христианству русского народа, а кн. Ольга способствовала ему, то роль в этом движении кн. Владимира можно определить

как решающую, хотя в этом необходимо избегать восприятия его абсолютной автократии, так как выбор пути своего развития принадлежал самой Руси – «На высшем государственном совете Руси дружина, бояре, и старцы во главе с князем Владимиром перед окончательным выбором веры (а значит, всего будущего духовного пути земли Русской) в качестве решающего рассматривали вопрос об образе богослужения ислама, западного христианства и Православия [иудаизм, как известно, кн. Владимир отверг сразу – Л.Р.]» [5, с. 248].

Если проанализировать сегодня такой выбор, то станет очевидна та мудрость принятого решения, спасающего нашу культуру и сегодня. Ни один вариант, кроме православия, не давал возможности существования Руси в определении дальнейшего своего развития как самостоятельного социума, да и в отношении дальнейшего геополитического развития мира можно сделать довольно смелые предположения. Так, например: а) иудаизм, как известно, – религия национальная, где определяющим является кровное родство «царственному роду». Истории известен один народ, принявший иудаизм, как государственную религию. Это предлагавшие его кн. Владимиру хазары. Как известно, они исчезли с карты истории человечества в кратчайшие сроки; б) приняв ислам, Русь перестала бы быть форпостом Европы, и так очень сильно стесняемой исламом в средние века. Геополитика средневековья могла бы утратить Европу вообще, если бы Русь под одним флагом со своими единоверцами, включая и монголов, двинулась на нее. Сам же русский народ навряд ли мог рассчитывать на свою идентичность; в) став вассалом Латинского Рима, Русь обрекла бы на небытие модель православной цивилизации. Европа превратилась бы в тоталитарно римско-католическое единое тело, где судьбу каждого народа решал бы папа римский, как «наместник Бога на земле», в ней не нашлось бы места великой русской культуре в своем национальном своеобразии, да и возникновение протестантизма со своей культурой было бы, по-видимому, под вопросом – сильный Рим не терпит инакомыслия, существовал бы лишь «Папский мир»; г) осталась бы Русь в языческом дроблении, ее бесследно поглотили бы эти цивилизации.

«То, что Русь приняла политическое мировоззрение Византии и культурное первенство Константинополя, было величайшим духовным завоеванием Византии. Это тем более необычно, что процесс этот никогда не был связан с политической зависимостью и, таким образом, осуществлялся почти исключительно церковью... Понятно, что культурные, религиозные и политические последствия этого факта очень значительны» [10, с. 347]. Русь унаследовала через византийскую культуру римскую политическую традицию, греческое литературное наследие и православную веру. Принятие православия и родство княжеского рода с византийским двором ввели Русь на равных основаниях в исторический процесс народов Европы.

Говоря о 1030-летию Крещения Руси, в первую очередь хотелось бы отметить, что это разговор о сохранении мировоззренческих ценностей народа, культуры, суверенитета страны, цивилизации. Разговор о том, насколько современник сродни со своим духовно-историческим наследием, о том, как и каким способом он может противостоять регрессу собственного сознания в столь сложное время глобального нивелирования.

Литература

1. Буткевич Т. свящ. Язычество и иудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. – Киев: «Пролог», 2007. – 240 с.
2. Дегтярев А.Я. История Российского флага. – М.: Издательство: «Военный Парад», 2000. – 136 с.
3. Иоанн (Снычев) митр. Самодержавие Духа. Очерки русского самосознания – СПб.: Издательство Л.С. Яковлевой, 1994. – 352 с.
4. Катков М.Н. Имперское слово. – М.: Редакция журнала «Москва», 2002. – 512 с.
5. Лебедев Лев прот. Крещение Руси. – М.: «Русский Хронограф», 2003. – 320 с.
6. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. – М.: Издательство: Эксмо, 2007. – 896 с.
7. Лихачев Д.С. Крещение Руси и государство Русь. // Новый мир; 1988, №6 – С. 249-258.
8. Ломоносов М.В. Избранная проза. / сост авт. предис. И коммент. В.А. Дмитриев. – М.: Сов. Россия, 1986. – 541 с.

9. Ляшевский Ст. История христианства в Земле Русской с I по XI век. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 320 с.
10. Мейендорф И. История Церкви и восточно-христианская мистика. / Сост. и общ. ред. И.В. Мамаладзе. М.: Институт ДИ-ДИК, Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. – 576 с.
11. Тахиаос А.-Э.Н. Святые братья Кирилл и Мефодий просветители славян. – Сергиев Посад. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. – 392 с.

Игорь Олегович Морозов

магистрант направления Теология НИУ» БелГУ»,

Научный руководитель: **Тамара Ивановна Липич**

д. филос. н., проф., зав. кафедрой философии и теологии социально-теологического факультета имени митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) НИУ «БелГУ»
(Россия, г. Белгород)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ЦЕРКВИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ДВОРЯНСТВА В XIX в. (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

Русское дворянство играло решающую роль в политической, экономической и духовной жизни Российской империи, оно первым подхватывало новые тенденции в обществе, причем наиболее ясно они отражались в повседневности сословия. Как отмечают современные исследователи, без всестороннего изучения дворянского сословия невозможно полно представить социально-экономическое, политическое и культурное развитие российского общества [7, с. 4].

В последние десятилетия, вследствие отмены атеистических ограничений, наблюдается волна массового интереса к религиозной тематике в российской истории. К религии и её проявлениям в дворянской среде стали подходить как к достойным уважения и изучения явлениям культурно-исторического процесса, хранящим огромный опыт и потенциал духовно-нравственных исканий человечества.

Подход истории повседневности даёт возможность рассматривать дворянина, в первую очередь, как обычного человека, с его чувствами и мечтаниями, радостями и горестями. Это позволило дать оценку эмоциям как важнейшей составляющей повседневности дворянства. В большей мере это выражается в духовно-религиозных переживаниях, в фактах благотворительной деятельности дворян в отношении храмов и монастырей.

Примером благотворительности в повседневной жизни дворянства Центрального Черноземья в 50-90 годы XIX в. является деятельность данного сословия в Курской губернии [1]. Согласно исследованию Т.М. Олейникова, благотворительность дворян в отношении Валуйского Успенского Николаевского мужского монастыря была разнообразной. Например, в Указе Духовной Консистории №119 говорится «о пожертвовании монастырю помещиком штабс-капитаном Иваном Мариновым тридцати ульях, домах и анбаре без места. Дом и анбар приказали сломать и употребить на устройство «приличных келий братии». 1822 г. Июля 19. [5, с. 29]

Причины пожертвований дворян в данный монастырь также были разнообразны. Например, «В 1846 году графиня Анна Алексеевна Чесменская пожертвовала, по духовному завещанию, в монастырь 5000 рублей серебром» [5, с. 34]. О другом побуждении к благотворительности говорит «Рапорт строителя Полиевкта с братиею Епископу Иосифу» с уведомлением, что «Бирюченского уезда помещик Евдоким Николаев и жена его Клеопатра Григорьевна Синельниковы в течение уже 10 лет жертвовали в обитель ежегодно от 40 до 60 четвертей разнаго хлеба, а теперь прислали 100 четвертей и 169 рублей серебром; 23 июля они потеряли единственного сына на войне. Резолюция Его Преосвященства: «Декабря 9 1854 года. Усопшаго сына